

ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА

ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ В АНТРОПОГЕНЕЗЕ — КЛЮЧ К ОБЪЯСНЕНИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. Обновление социальных порядков в антропогенезе — ключ к объяснению происхождения языка. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 216–238. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.10>

Аннотация. В современных исследованиях происхождения языка происходит социологический и социально-антропологический поворот. Производятся реконструкции социальных порядков, норм, ритуалов, характера взаимодействий и коммуникации. В статье показано, как понятийные средства социологии позволяют подходить к объяснению наиболее трудных проблем происхождения языка и сознания. Эволюционные процессы в антропогенезе, которые традиционно объяснялись средствами биологических концептов (приспособление, отбор, мутации, ниши), имеют важнейшую социальную составляющую. Рассмотрены причины уникальности эволюционного пути предков человека, социальные механизмы преодоления «языкового Рубикона» (от знаковых систем животных к членораздельной осмысленной речи), а также принципы объяснения основных сдвигов в усложнении языка и развитии сознания через закономерное обновление социальных порядков гоминид. Эти перемены начались уже со спуска на землю и прямохождения, включали переход к новым способам пропитания, появление совместной интенциональности, нормативности, ритуальных взаимодействий, сопряженных с сигналами, звуковые формы и значения которых различались и множились. Гоминиды в условиях эгалитарных коалиций должны были координировать коллективное поведение, регулировать правилами отношения принадлежности орудий и сексуального доступа. Забота индивидов о сохранении и повышении своего уровня группового членства стала обеспечиваться «правильностью» поведения, в том числе внятностью произносимых протослов, затем слов, фраз, предложений, что объясняет поступательное развитие речевой моторики, строения гортани. Освоение огня и практики коллективного приготовления пищи привели к совместным трапезам с порядками очередности. На поздних стадиях антропогенеза протосапиенсы и сапиенсы устанавливали межгрупповые альянсы, значит должны были вести переговоры, а в эпоху верхнего палеолита развивались отношения обмена, отложенных обязательств, усиливалась конкуренция за позиции престижа, социального членства в группах и альянсах. Высокая степень артикуляционной стандартизации во всех известных языках является следствием особой речевой нормативности, согласно которой «правильность» («привычность»,

«нормальность») произношения стала повсеместным и чуть ли не сильнейшим маркером отличия «своих» от «чужих».

Ключевые слова: происхождение языка, глоттогенез, антропогенез, палеосоциология, гоминиды, социальное взаимодействие, социальный порядок, коммуникативные заботы, ритуал, языковая сложность, протоязык.

Социально-антропологический поворот в концепциях когнитивной эволюции

При всем разнообразии и широте идеи и подходов в исследованиях происхождения языка¹ вырисовывается некая общность. Происходит сдвиг фокуса внимания от орудий, костных останков, генов — к социальным и культурным драйверам, образу жизни, практикам взаимодействия, теснейшей взаимосвязи языка и нормативности (см.: Бикертон 2012; Bouchard 2013; Барулин 2012; Dor et al. 2014; Zlatev 2014; Sterelny 2016; Laland 2017; Tomasello 2019). Перечислю наиболее перспективные идеи и подходы.

Теренс Дикон связал возникновение языка с хрупкостью уникальной социальной конфигурации, в частности половых отношений в группах древнейших охотников-собирателей (Deacon 1997).

Дерек Бикертон в поздних работах справедливо указал на значимость перехода наших предков в новые и новые ниши для развития речи и сознания, опираясь на концепцию «конструирования ниш» (Odling-Smee, Laland, Feldman 2003).

Кевин Лаланд представил модель глоттогенеза, включающую идеи многоуровневого отбора по П. Ричерсону, генно-культурной коэволюции и культурного драйва по Э. Уилсону, с убедительным упором на роль обучения подрастающих поколений (с отсылкой к Л. С. Выготскому) (Laland 2017).

Оуэн Лавджой, Пол Бингэм, Ричард Рэнгем объясняют уникальную «элитарность» когнитивных способностей человека (по аналогии с «элитарностью» способностей птиц летать, а дельфинов — плавать) через снижение агрессивности, самоодомашнивание², пресечение эгоистического поведения соплеменников, генезис практик дележа и кооперации (Lovejoy 2009; Bingham 2010; Wrangham 2019).

¹ Информативные обзоры литературы содержатся во многих работах, в частности, см.: (Пинкер 2004; Фитч 2013; Bernabeu, Vogt 2015; Бурлак 2019).

² Сходные идеи высказывал академик Д. К. Беляев (Беляев 1981), на работы которого ссылается Р. Рэнгем.

Майкл Томаселло, Крис Стрингер, Джордан Златев справедливо указали на необходимые социальные условия возникновения языка: совместную интенциональность, появление моральных правил, норм, особенно связанных с солидарностью, сообщением значимых сведений, складыванием отношений родства (Томаселло 2011; Stringer 2012; Zlatev 2014).

Обновление ниш и социальные порядки гоминид

В обширной сфере антропогенеза находят свои предметные области и ведут теоретические реконструкции палеопсихология, палеолингвистика. Осознание значимости аспекта социальных взаимодействий делает законным и даже необходимым социально-антропологический и палеосоциологический анализ. Как и в остальных смежных областях, здесь приходится пользоваться лишь косвенными данными археологии, палеогеографии, палеоклиматологии, ведь ни анкетирование, ни интервью, ни наблюдение за жизнью гоминид не возможны. Как и в исторической социологии, возможности теоретической реконструкции опираются на уже разработанные концепции и выявленные общие закономерности.

Идея обновления ниш как важнейший движитель когнитивной эволюции получила широкое признание (Odling-Smee, Laland, Feldman 2003; Бикертон 2012; Laland 2017). В эволюционной биологии «ниши» представляют собой сферы взаимодействия видов с окружением (прежде всего, в добыче пропитания, размножении и обеспечения безопасности, комфортных условий), отграниченные от ниш других видов или пересекающиеся с ними (что обычно связано жесткой конкуренцией, приспособлениями и отбором). Ниши гоминид, особенно начиная с ранних *Ното* (ок. 2,7 млн л.н.), имели существенные особенности.

Во-первых, гоминиды быстрее, успешнее, масштабнее обновляли и расширяли свои взаимодействия с природным окружением через обнаружение новых источников пропитания. Затем, архантропы примерно с 1,7–1,3 млн л.н. расселялись уже за пределы Африки (Дробышевский 2017: 117), сталкиваясь с новыми весьма разнообразными ландшафтами.

Во-вторых, развитие орудийных технологий превратило природные ниши в техноприродные, поскольку их обновление, конструирование и захват, преобразование новых ниш стали во все большей степени зависеть от развития технологий.

В-третьих, шло не менее быстрое и масштабное преобразование социальных ниш. Рассмотрим этот аспект детальнее.

У социальных животных, в том числе австралопитеков, для каждой особи внутри группы есть своя социальная ниша, а каждая группа вынуждена взаимодействовать с группами того же вида (как правило, конкуриро-

вать за территорию, враждовать или вступать в дружественные и брачные отношения). Такие внутренние и внешние социальные ниши весьма значимы для львиных прайдов, групп павианов, но у шимпанзе и бонобо (наших ближайших родственников) занимают чуть ли не основные силы, энергию и внимание (Гудолл 1992, с. 537–541; Dunbar 1996; Фитч 2013; Вааль де 2019).

Вследствие изначальной вынужденной сплоченности и последующей успешной экспансии гоминид, их внутригрупповые и межгрупповые взаимодействия приобрели еще большее значение. Если перенести центр внимания с границ между нишами на взаимодействия и отношения внутри них, то социальные ниши уже предстают как социальные порядки — системы типовых взаимодействий и отношений с той или иной конфигурацией позиций, соответствующих паттернов поведения, с разным доступом друг к другу, к благам, ресурсам, а в перспективе — с нормами, институтами, практиками.

Поскольку базовые заботы пропитания, размножения и безопасности никуда не делись, обновление техноприродных ниш приводило к существенному изменению социальных ниш, а значит менялись и их внутренние социальные порядки. Именно в этих порядках появлялись новые коммуникативные заботы — объективно заданные потребности общения как главные детерминанты эволюции языка и сопряженных с ним когнитивных способностей.

Механизмы сопряженного обновления ниш, порядков и коммуникаций

Рассмотрим причинные воздействия между техноприродными нишами, социальными порядками, коммуникативными заботами и практическим, вербальным поведением (рис. 1).

Здесь нет прямой детерминации. Роль техно-природных ниш заключается в поставке вызовов-угроз («кнутов») и вызовов-возможностей («пряников»), прежде всего в сферах пропитания (голод или новая вкусная питательная еда), безопасности/насилия (страшные хищники, опасные враги или возможности от них защищаться, их побеждать) и условий жизни (жара, холод, засуха, ненастье или приятный комфорт). В двух главных типах ответных стратегий гоминид — создании, использовании внешних средств и координации сложного группового поведения — использовалась внутренняя коммуникация. О значимости ее для орудийной деятельности речь пойдет далее, а здесь рассмотрим порождение потребностей общения — коммуникативных забот.

Что нужно передать, в чем убедить, что узнать и понять — все это зависит не прямо от природных вызовов («кнутов и пряников»), но опо-

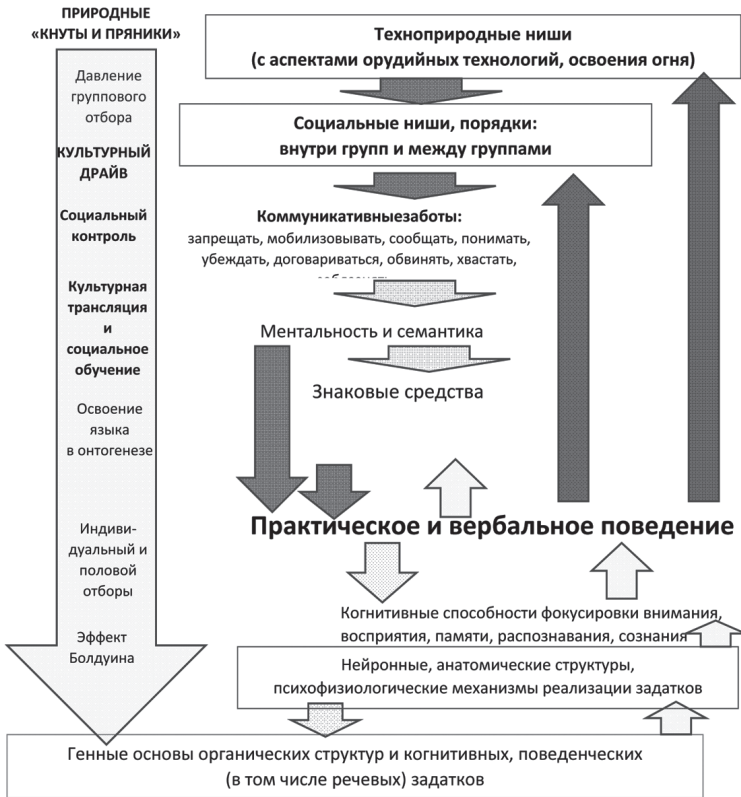

Рис. 1. Причинно-следственные связи практического и вербального поведения

средованно от сложившегося социального порядка в группе (позже — в альянсе групп, в конфигурациях вражды и союзов и т. д.). Именно в этом пункте особую значимость обретает социально-антропологический и социологический подход. Более того, как мы увидим, столь далекая и чуждая нам жизнь гоминид была пронизана социальными универсалиями, отнюдь не утратившими актуальности и по сию пору.

Природные «кнуты и пряники» преломляются в разных социальных порядках способами, которые можно обозначить как возможные ответы на следующие вопросы.

Кто добывает какую еду? Кто ее разделывает и готовит до нужной кондиции? Кто решает, кому что из добытой и приготовленной еды достанется? Кто с кем какой едой обязан делиться, а с кем нет? Какие есть

возможности и препятствия, чтобы поучаствовать в этих процессах с пользой для себя и своих близких?

Кто нас защищает от внешних опасностей? Кого и почему мне нужно защищать?

Как понять, что кому сегодня делать? Куда идти? На кого охотиться? Что собирать? Кто знает, как спастись от жары или от холода?

Кроме забот, прямо связанных с внешними вызовами, в группе всегда есть внутренние сферы социальных вызовов и забот. Они связаны, прежде всего, с властью, доминированием и престижем, с насилием и контролем над насилием, с вещами, благами и доступом к ним, с сексуальностью и сексуальным доступом, с родительством и воспитанием детей, с другими отношениями родства, с дружбой или неприязнью, враждой, конфликтами (Dunbar 1996; Hrdy 199; Richerson, Henrich 2012. Dor et al. 2014). Здесь вопросов еще больше, а ответы бывают крайне разнообразны, поэтому отметим только центральные темы.

Кто и как решает, кому что делать, когда и куда уходить с этой стоянки? Кому нужно подчиняться, а кому — нет?

Кто может и кто не может меня ударить, обидеть, что-то у меня отобрать? Кого я могу ударить и у кого что отобрать? Кому жаловаться в случае чего? Что будет с тем, кого посчитают виновным?

Как определяется, кто с кем может заниматься сексом? Что делать, чтобы достичь близости с желаемым партнером (партнершей)? На чью сторону встанут сильнейшие члены группы в случае конфликта?

Кто и как заботится о детях, кормит их, обучает?

Разумеется, при отсутствии членораздельной речи никто не мог ни задавать такие вопросы, ни размышлять о них. Однако соответствующие социальные вызовы и заботы имели место, тревожили гоминид, а они своим поведением успешно или неуспешно отвечали на вызовы. Типовые регулярные ответы становились практиками. Среди них нас интересуют связанные не с физическими действиями (по отношению к объектам природы, орудиям или друг к другу), а с общением, когда звуками, мимикой, жестами, пантомимой одни члены группы воздействуют на других.

В примитивных социальных порядках, где все напряжения (обычно связанные с конкуренцией за доступ к еде и самкам) решаются завоеванной в схватках доминирующей позицией, общение играет скромную роль: гораздо важнее вожаку сохранять силу и грозный вид, а претендентам копить силу для будущих схваток (Boehm 2000).

В группах шимпанзе и бонобо общение, пусть и невербальное, играет гораздо большую роль. Отнюдь неслучайно у этих обезьян столь выразительная мимика. Сложность социального поведения в этих порядках вклю-

чает не только задачи попадания в сильную коалицию, утверждения в ней своего места, борьбы с конкурентами и т. п., но также установление и поддержание вполне индивидуализированных отношений (Гудолл 1992, 424–455; White et al. 2015; Вааль де 2019).

Социальные порядки гоминид неуклонно усложнялись и становились вполне человеческими по мере того, как достижение социальных целей стало зависеть от успешности воздействия на соплеменников через членораздельное и осмысленное общение. Внутри социальной ниши выростала особая коммуникативная ниша, нечто вроде строгого фильтра, который позволяет достигать социальных целей только через произнесение звуков, смыслы и значения которых понимают другие³.

Как и всякая другая ниша, коммуникативная ниша стала проявляться через вызовы-угрозы (не поймут, не согласятся, откажут, осудят, выгонят), вызовы-возможности (поймут, согласятся, дадут желаемое, примут к себе, научат, признают достоинства, полюбят) и соответствующие коммуникативные заботы.

Перманентные стремления наших далеких предков, их старания, напряженные попытки, пробы и ошибки в обеспечении коммуникативных забот, которые закономерно менялись в связи с обновлением техноприродных ниш и социальных порядков, — вот главный объяснительный принцип появления речи и дальнейшего продвижения по ступеням языковой сложности.

Специфика социальных порядков ранних гоминид была обусловлена не столько преимуществами (изначально, весьма скромными), сколько недостатками, слабостью, возможно, даже изначальной бедственностью положения. Достаточно указать на значительный проигрыш сошедших на землю гоминид в скорости передвижения, мышечной силе и размере челюстей в сравнении с основными нишевыми конкурентами (гиенами, шакалами, гигантскими гелладами) и грозными хищниками (крупными саблезубыми кошачьими) (Bingham 2010; White et al. 2015; Дробышевский 2017).

Потенциальные ингредиенты первых гоминид включали сильные эмоциональные связи, подражательство, гибкое жестовое и звуковое общение, свободные умелые руки, большой мозг. Новая природная ниша, полная опасностей и трудностей в добывании пропитания сформировала заботу обеспечения сплоченности и взаимной поддержки внутри каждой группы (Lovejoy 2009).

³Схожее объяснение новых языковых структур сделано в работе (Stringer 2012: 280).

Главными обеспечивающими структурами в социальной сфере стали совместная интенциональность, эгалитарные коалиции, противостоящие агрессивным альфа-самцам, нормы, ограничивающие насилие⁴. Благодаря развитию этих структур происходил процесс самоодомашнивания (Беляев 1981; Bingham 2010; Tomasello 2019; Wrangam 2019).

Социальные причины самоодомашнивания и истоки нормативности

Вследствие резкого снижения роли насильственного доминирования, вероятно, уже ранние *Ното* (хабилисы и др.) попали в ту «колею», где поиск ответов на возникающие трудности, способов реализовать открывающиеся возможности велся через общение, обмен навыками и сведениями, координацию действий⁵.

Базовые сферы и типы забот — безопасность, пропитание, сексуальность, родительство, стремление повысить или сохранить статус — все это осталось, но социальные условия, допустимые пути достижения соответствующих интересов, целей неуклонно затруднялись и усложнялись. Это и вынуждало гоминид к поиску новых ответов, причем в той же избранной «колее», т. е. на основе уже обретенных структур — практик взаимодействия и общения, когнитивных, в том числе коммуникативных способностей (Deacon 1997; Burling 2005).

Так, при отсутствии подавляющих силой альфа-самцов появилась необходимость убеждать, принимать общие решения. Борьба за доминирование через устрашение насилием сменилась конкуренцией за лидерство и престиж через мобилизацию поддержки. Запрет на сексуальное насилие привел к росту значимости ухаживания и заигрывания, которые стали осуществляться также через звуковую коммуникацию (Миллер 2000; Бикертон 2012; Power 2014; Zlatev 2014).

⁴ Вполне правдоподобной представляется версия о победе эгалитарных коалиций над агрессивными альфа-самцами благодаря практике (а потом угрозам) дружного прицельного забрасывания камнями (Bingham 2010). Метание больших орехов, камней в качестве агрессивных действий весьма развито среди обезьян. Шимпанзе используют такие действия для устрашения и принуждения. (Гудолл 1992: 566). Также, вероятно, поступали общие предки человека и антропоидов. Очевидно, что сплотившиеся на землю гоминиды не утратили эту практику, а только совершенствовали ее. Важнейшим продвижением в данном аспекте стало именно совместное прицельное метание, а также групповое принуждение на основе соответствующей угрозы.

⁵ Быстрый рост мозга гоминид как раз начиная с *ранних Ното*, вероятно, связан именно с необходимостью увеличения объема памяти для запоминания новых слов (Markov, Markov 2020).

Все ли ранние гоминиды пошли по пути развития сплоченности, норм ненасилия и взаимопомощи, общения и орудийных технологий? Вовсе нет, но отказавшиеся от этих практик не выдержали конкуренцию и погибли. Группы с высокой солидарностью, а значит с воспроизводимыми правилами поведения выигрывали как во взаимодействии с природной средой, а также в столкновениях, в борьбе за ресурсные территории с несолидарными группами, не освоившими нормативность (Falk 2004; Stringer 2012; Henrich 2015; Wrangham 2019). Косвенными свидетельствами снижения внутригрупповой агрессивности гоминид служат существенное уменьшение клыков и челюстей, уменьшение полового диморфизма, начиная от австралопитеков (Дробышевский 2017).

Ниша «институциональных фактов» и бурный рост социосферы

Кристофер Найт в статье с многозначительным названием «Язык коэволюционировал с верховенством закона», ссылаясь на Ф. Соссюра, Л. Витгенштейна, Дж. Сёрля, пишет:

«Речевой акт, как ход в настольной игре, является внутренним по отношению к реальности такого рода (...) Сигналы не должны оказывать никакого физического или поведенческого воздействия — только изменение точки зрения. Подобный сдвиг — это изменение в особой сфере, ни объективной, ни субъективной в обычном смысле. Вещи «увидены» или «оценены» уже иначе, и в той же мере изменилась реальность (как совместно сконструированный мир)» (Knight 2006:172).

Появление нормативности у гоминид знаменует важнейший этап — появление тех самых «институциональных фактов» по Дж. Сёрлю.

«Когда человеческая жизнь стала подчиняться верховенству закона, впервые стало возможным участие в реальности такого типа. Вначале язык появился в форме загадочных «кивков» и «подмигиваний» — понятных участникам знаков — для ориентирования в этой новой сфере. Такие сущности эволюционировали уже не в дарвиновской биологической среде. Поэтому обычные закономерности развития сигнала больше не применимы (Knight 2006:173).

«Институциональные факты» существуют поскольку люди считают, что они существуют (Searle 1995). В качестве примеров приводят деньги,

брак, футбольные результаты и преступный мир. Такого рода явления, а также социальные отношения, структуры, организации, государства и собственно институты образуют особую онтологическую сферу бытия — «социальное», или *социосферу*.

Социосфера существует лишь постольку, поскольку есть явления из других сфер: *материального мира* (в том числе с телами животных, гоминид, людей), *психосферы* (с их психической и внутренней субъективной реальностью как процессов, осуществляемых нейронными механизмами мозга) и *культуросферы* (как совокупности образцов психики, сознания, поведения, транслируемых в поколениях)⁶ (Розов 2019: 13-19).

Нельзя сказать, что у животных, в частности, приматов вообще нет (а у предшественников гоминид не было) культуросферы и социосферы. Многие образцы поведения транслируются через социальное обучение (от манеры соловьиного пения до приемов волчьей охоты) — таковы *зачатки культуросферы*. Реальность отношений в группах социальных животных (иерархии, половое партнерство, родительство, дружба, враждебность) не сводится ни к материальному миру, ни к индивидуальной психике, ни даже к транслируемым в поколениях образцам. Устойчивость таких отношений представляет собой *зачатки социосферы* у животных.

В ходе антропогенеза, по мере когнитивной сапиентации и развития уже сапиентных отношений разрасталась социосфера, онтологию которой Эмиль Дюркгейм обозначал через категорию «социальные факты», а теперь обычно описывают через «совместно конструируемое», «коллективное воображаемое» и т. п. Джон Сёрль неслучайно определял ту же реальность через «институциональные факты», поскольку основой всякой институциональности являлись правила, нормы.

У животных действия одних особей могут нравиться и не нравиться другим. Однако у них *нет значения (не)правильности* вместе с общим согласием относительно правила, нет совместной интенциональности и четкого обозначения того поведения, которое подлежит коллективной регуляции: запрету (например, насилия, принуждения к сексу) или предписанию (делиться добычей, защищать друг друга) (Томаселло 2011).

Именно нормативность стала волшебной палочкой — обеспечивающей структурой, развертывание которой привело к расширяющемуся

⁶ Последние три онтологические сферы прямо соответствуют 1-му, 2-му и 3-му мира К. Поппера, однако отдельную социосферу он своим философским умозрением «не увидел». Причем не только Дж. Сёрль с «институциональными фактами», но также А. Шютц с «пониманием социальных вещей», Э. Дюркгейм с «социальными фактами» и даже Гегель с «объективным духом» (т. е. института-ми) выделяли отдельную онтологическую сферу социального.

разнообразию человеческих отношений, институтов, организаций (Zlatev 2014). Сами нормы редко проговариваются до сих пор, они большей частью находятся в области «само собой разумеющегося» (это хорошо показали этнометодологи). Зато нормы создали среду социально допустимого и недопустимого, а в этой среде чтобы чего-то добиться, чтобы не стать изгоем и не пропасть, приходится вступать в общение с окружающими и достигать понимания.

Преодоление «языкового Рубикона»: загадка и путь к разгадке

Шимпанзе и бонобо в естественной обстановке обычно различают до 20 значений своих синкретичных сигналов (звуков вместе с мимикой и жестиком). При специальном обучении наиболее талантливые, как знаменитый бонобо Канзи (Lloyd 2004), способны различать до 200 «слов» (табличек, графем) и даже некоторыми из них активно пользоваться. Однако в естественной среде они не изобретают новых знаков⁷, понятных другим обезьянам, а если нечто подобное изредка случается, и даже передается в поколениях, то сколь-нибудь заметного наращивания запаса знаков не происходит.

Именно здесь и находится т. н. «языковой Рубикон», который сумели преодолеть гоминиды на протяжении сотен тысяч лет. Почему же у них получилось?

Только суровая коммуникативная забота, принуждавшая многие поколения гоминид доносить и понимать *разные (!)* сообщения большой

⁷ Джейн Гудолл приводит множество свидетельств о способности шимпанзе, обученных американскому жестовому языку (*амслену* — American Sign Language, ASL), к составлению новых протослов и протофраз через сочетание жестов. Так, обезьяной Люси орех был обозначен как *камень-ягода*, сельдерей — *пицца-трубка*, арбуз — *питье-конфета* или *фрукт-питье*, редиска — *пицца ай-больно* (впервые попробованная Люси редиска оказалась очень горькой). Другая самка шимпанзе Лана обозначила огурец как *банан-зеленое*, апельсин — как *яблоко-оранжевое*. Третья шимпанзе Моджа называла шипучий напиток *слушать (или звук, шум)-питье*, а зажигалку обозначила как *металл-огонь (или пламя, гореть)* (Гудолл 1992: 43). С одной стороны, такой успех (равно как и умение бонобо Канзи использовать таблички-графемы) стал возможным благодаря включению антропоидов в уже развитую человеком символическую среду. С другой стороны, факты такого рода указывают на весьма ранние сроки когнитивной и речевой эволюции гоминид. Шимпанзе и бонобо способны создавать вполне осмысленные сочетания знаков (пусть через выученные жесты или графемы), но вряд ли австралопитеки и ранние гоминиды уступали им в уровне когнитивного развития, тем более странно было бы отказывать в такой способности хаблисам, эректусам, неандертальцам, использовавшим звуковую коммуникацию.

значимости для группы и для каждого, была способна мотивировать на новые и новые голосовые пробы, на труднейшее распознавание, выделение отдельных знакомых слогов в произносимой невнятице, на странный и тяжелый труд их многократного повтора и запоминания.

Какие типы ситуаций больше подходят под эти критерии — отдельный вопрос. Сигнализирование о хищнике, опасности? Сведения о где-то находящейся пище? Попытки собрать соплеменников для отъема у конкурентов-падальщиков обнаруженной вдали туши (рекрутинг)? Эротическое заигрывание? Объяснение ребенку того, что и как тут происходит?

Правдоподобной представляется гипотеза о значениях самых первых протослов — это дружное выражение неодобрения «плохим» действиям (соответствующим ситуациям, индивидам) и одобрения «хорошим». Дальнейшее развитие — умножение протослов — было связано в таком случае с *совместно* неодобряемыми (травма, боль, потеря добычи, опасная тварь, несъедобный плод, плачущий ребенок...) и одобряемыми (вкусная еда, богатая добыча, довольный ребенок...) ситуациями, позже — пред-метами и лицами.

Поскольку каждодневной заботой группы был поиск пропитания на больших пространствах, то следующим претендентом на сферу, требующую роста числа распознаваемых сигналов (протослов), вероятно, были разнообразные виды пищи или добычи. Известна гипотеза происхождения языка из рекрутинга — звуковой мобилизации группы с призывом вместе отправиться за добычей (Бикертон 2012). Развитием этой идеи является *конкуренция рекрутингов*, когда при отсутствии диктата вожаков («альфа-самцов») относительно эгалитарная коалиция должна была принимать решение, за какой пищей куда направляться, а для этого уже было необходимо понимать куда и зачем зовут разные члены группы.

Роль орудийной деятельности и двушаговая причинность

Ближайшей причиной (не)способности к речи является уровень развития мозговых (моторных, слуховых, когнитивных) структур, строения гортани, позвоночника, дыхательных мышц и т. д. (Бурлак 2012), но согласно концепции культурного драйва (Laland 2017) для запуска этого длительного процесса морфологической сапиентации необходимо как начальный толчок, так и поддерживающие, подталкивающие факторы (драйверы).

Отчасти вследствие обилия, разнообразия найденных археологами каменных орудий, явного прогресса технологий, отчасти из-за сохраняющегося авторитета ранних объяснений развития языка и сознания из орудийной деятельности (у того же Ф. Энгельса и не только) сохраняется

и развивается устойчивая традиция связывать когнитивную эволюцию с орудийной деятельностью — с «трудом» (Козинцев 2013).

Разумеется, неуклонный, хотя и неравномерный прогресс орудийной деятельности тесно связан с языковым развитием и шире — с когнитивной эволюцией, однако связь здесь не прямая, одношаговая, будто бы план будущего орудия непременно предполагал символическую способность (восходящая к Марксу идея, излюбленная археологами), но двушаговая. Орудийная деятельность сыграла роль многоаспектного «катализатора» развития социальных порядков и коммуникативных практик.

Совершенно непонятно, как первые орудия сами по себе могли приводить к появлению речи, зато они точно могли использоваться для более жестоких схваток за доминирование, за пищу, за самок. Если вместо таких нескончаемых свар группы гоминид (по крайней мере, в сапиентной линии) сумели успешно сообща добывать пищу, мигрировать, заселять континенты, овладевать все более сложными технологиями, а значит, имели преимущественно мирный порядок общения внутри группы для координации поведения, этому могли способствовать только некие особые социальные условия, снижающие внутреннюю конфликтность, насилие и отчуждение (Boehm 2000; Zlatev 2014).

Первые грубые рубила находятся вместе с другими камнями, ими не особенно дорожили и бросали после использования. Однако уже с эпохи ашеля (ок. 1,6 млн лет назад) более искусно изготовленные орудия явно берегли (Дробышевский 2017: 92, 104). Простой вопрос «почему их не отбирали более сильные, почему за них не дрались?», как правило, никто не задает. Будто бы запрет «не грабить, не воровать у своих, не отбирать чужое» — это нечто само собой разумеющееся⁸. Но так ли это? Начало изготовления ценных вещей долговременного пользования означает необходимость введения новых социальных норм, группового принуждения к их выполнению. А ведь это новая, весьма значимая сфера социального взаимодействия, возможных конфликтов, проблем с непониманием, доведения нормы до сведения всех.

Изготовление самих орудий требовало особого каменного сырья, зачастую отдаленного, для добычи которого были необходимые совместные

⁸ Шимпанзе могут воздерживаться от того, чтобы отбирать предметы, пищу, находящиеся в руках или во рту соплеменника (особенно если это доминирующая или дружественная особь), но положенное на землю всегда может быть взято. Вместе с тем, многократно зафиксированы случаи отбирания и пищи, и орудий (например, травинки для добычи термитов) (Гудолл 1992: 577-597). Чего у обезьян (даже у бонобо) точно нет, так это надежной совместной защиты чьей-либо «собственности».

усилия, экспедиции или обмены, а значит социальные взаимодействия [Barnard 2009].

Изобретение нового орудия, новой технологии обработки камня или кости могло удержаться в поколениях и получать распространение только через социальное обучение. В этой особой нише возникали специфические коммуникативные заботы, связанные с необходимостью обозначения и запоминания множества свойств сырья, тонкостей приемов изготовления, признаков и деталей изделий. Поэтому вместе с технологиями развивались как специальные языковые средства, так и более общие способности внимания, памяти, сознания, обучения и обучаемости⁹.

Основные этапы обновления социальных порядков и коммуникативных забот

Кардинальную роль сыграло уверенное освоение огня ок. 400–350 тыс. лет назад (Дробышевский 2017: 123), забота поддержания которого принудительно подняла на новый уровень вербальную координацию действий и существенно расширила сознание во времени и пространстве¹⁰. Освоение огня также открыло нишу коллективного приготовления пищи (Рэнгем 2012), а главное — публичное пространство совместных трапез¹¹.

Трапезы изначально имели ритуальный характер¹² и стали особыми площадками для дистантного контроля выполнения норм — вербальных презентаций, жалоб, споров, развертывания и разрешения конфликтов, ритуалов остракизма и солидарности. На этой стадии, вероятно, появился протоязык со стандартными схемами порядка слов, что позволяло сообщать о прошлых и отделенных ситуациях, т. е. развивалось важное

⁹ См. остроумные эксперименты, в которых сравнивалась успешность изготовления олдувайских и ашельских орудий учеником при варьировании допустимого типа коммуникации между ним и учителем (Laland 2017: 201-207).

¹⁰ Широту сознания индивида составляют сферы, на предметах которых индивид способен фокусировать внимание, рассуждать о них либо в общении с другими субъектами, либо (на поздних стадиях развития) во внутренней речи, в мышлении, самопроизвольно и в одиночестве.

¹¹ «Совместность трапез» не означает здесь, что к еде сразу допускались все члены группы. Даже в эгалитарных группах известных охотников-собираателей есть иерархии, связанные с полом, возрастом, включенностью в коалицию (Джонсон, Эрл 2017). Доминирующая коалиция (чаще всего, включающая взрослых мужчин) всегда имеет приоритетный доступ к пиршеству. Здесь и происходит наиболее значимая для группы коммуникация.

¹² Отнюдь неслучайно ритуальность совместных трапез в семьях, компаниях друзей, при важных встречах, собраниях, переговорах повсеместно до сих пор сохраняется.

свойство языковой перемещаемости, росли широта и произвольность сознания (Хоккетт 1970; Donald 1998; Gabora, Smith 2018).

Забота индивидов о сохранении и повышении своего уровня группового членства стала обеспечиваться «правильностью» поведения, в том числе внятностью произносимых протослов, затем слов, фраз, предложений, что объясняет поступательное развитие речевой моторики, строения гортани.

В условиях растущей плотности населения, вынужденных миграций и участвовавших столкновений из-за «палеоклиматического насоса»¹³, учащались межгрупповые контакты (вероятно, в Африке ок. 250–100 тыс. лет назад при переходе от протосапиенсов к ранним сапиенсам). Наряду с конфликтами, стычками создавались альянсы в целях охраны и расширения территорий, обмена (Ambrose 2002: 22). Тогда новым драйвером усиления коммуникации и языка стали переговоры.

Действительно, межгрупповые альянсы охотников-собирателей всегда предполагают брачную политику, обмены типа дар-отдар, ритуальные трапезы (Джонсон, Эрл 2017). Все это может происходить только благодаря переговорам и ритуальным соглашениям (Collins 2004). Многочисленные данные о дальних «миграциях орудий» на основе происхождения сырья (Дробышевский 2017: 144) свидетельствуют о том, что межгрупповые контакты были не только конфликтными (когда орудиями завладевали победители, что вело к отчуждению и изоляции), но и мирными (когда налаживались цепи обмена), а значит без переговоров нельзя было обойтись.

В переговорах о границах территорий, правилах, конфликтах, возмещении обид и проч. приходилось говорить отнюдь не о наглядных ситуациях «здесь и сейчас», а значит протоязык и протослова уже были не достаточны. Протослова обретали автономию от ситуаций и произвольность, превращались в полноценные слова.

¹³ Ледниковый период характеризовался волнами похолодания (наступлениями ледников, гляциалами) и потепления (межледниковьями, интергляциалами). Очередное похолодание произошло ок. 120 тлн, но также не было стабильным. Будучи весьма суровым для средних широт Евразии, холод щадил Африку, но сказывался на ее климате иным образом. Росшие ледники Евразии отбирали воду из океана и морей, что снижало испарение и делало африканский климат более сухим, тогда как межледниковья повышали влажность. Переменение этих периодов приводило в Африке к тому, что джунгли превращались в саванны, саванны — в степи, а степи — в пустыни, либо наоборот пустыни и степи становились саваннами, а при повышении влажности на них уже наступали джунгли (Walter et al. 2000).

Переговоры, обсуждение и разрешение конфликтов предполагают использование логических структур и операций, связанных с причинностью, соизмерением, переходами от общего к частному и т. п. Поэтому резонно предполагать, что тогда и стали складываться первые синтаксические и грамматические конструкции. Это означало переход от протоязыка к настоящему языку — к появлению потребностей и способностей выражать, понимать, а значит и осознавать внеситуационные предметы, отношения, свойства (Burling 2005; Dessalles 2007; Givón 2009; Hurford 1999).

Уже на уровне верхнего палеолита (50–15 тыс. лет назад) с взлетом орудийной технологии малые группы и даже индивиды стали способны добывать пропитание¹⁴, что сильно усложнило социальную структуру с введением *отложенных обменов*, разнородных обязательств, с активизацией переговоров, сплетен, борьбы за престиж, публичных самопрезентаций и т. н. «макиавеллевского интеллекта» (Sterelny 2016). Эти новые коммуникативные заботы объясняют складывание более сложных синтеза и грамматики, возможно, рекурсивности, полисемии, риторических украшений и т. п. В тесной связи с этими процессами развиваются способности сознания к легкому переключению между контекстами, ментальными переходами в пространстве и времени, между частью и целым, предметом и признаком и т. д. (Donald 1998; Desalles 2007: 238–244; Gabora, Smith 2018).

Высокая степень артикуляционной стандартизации во всех известных языках является следствием особой речевой нормативности, согласно которой «правильность» («привычность», «нормальность») произношения стала повсеместным и чуть ли не сильнейшим маркером отличия «своих» от «чужих».

Итак, палеосоциологический подход к анализу и теоретическому объяснению происхождения, эволюции языка в антропогенезе показал значительные эвристические возможности, широкую применимость социальных закономерностей. Большую и трудную проблему составляет обоснование сформулированных объяснительных гипотез и версий, поскольку прямых следов о социальных взаимодействиях гоминид и о процессах глоттогенеза нет. Это уже отдельная область исследований, требующая новых и нетривиальных методологических подходов.

¹⁴ Многие хищники, в том числе, шимпанзе (охотящиеся за мелкими обезьянами) способны добывать пищу в одиночку или малыми группами (Гудолл 1992). Когда эту способность обрели гоминиды (предположительно протосапиенсы или сапиенсы), уже действовала групповая норма дележа добычи с соплеменниками, а также дистантный нормативный контроль. Эти факторы и привели к росту сложности взаимодействий (кто с кем поделился, а с кем не поделился, кто кому что должен за прошлые услуги и т. д.).

Литература

- Барулин А.Н. (2007) К построению теории глоттогенеза. В.А. Кочергина (ред.) *Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте*. Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января – 2 февраля 2006 г.). М.: МГУ: 9–44.
- Беляев Д.К. (1981) О некоторых факторах эволюции гоминид. *Вопросы философии*, 8: 69–77.
- Бикертон Д. (2012) *Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей*. М.: Языки славянской культуры.
- Бурлак С.А. (2012) Время появления звучащей речи по данным антропологии. *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*, 3: 109–119.
- Бурлак С. А. (2019) *Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы*. М.: Альпина Диджитал.
- Вааль Ф. де. (2019) *Последнее объятие Мамы*. М.: Альпина Диджитал.
- Гудолл Дж. (1992) *Шимпанзе в природе: поведение*. М.: «Мир».
- Джонсон А., Эрл Т. (2017) *Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Дробышевский С.В. (2017) *Антропогенез*. М.: Архэ, Модерн-А.
- Козинцев А.Г. (2013) Зоосемиотика и глоттогенез. *Антропологический форум*, 19: 326–359.
- Ламсен Ч. Дж., Уилсон Э. (2017) *Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума*. М.: УРСС: ЛЕНЛАНД.
- Миллер Д. (2000) *Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы*. М.: Corpus (ACT).
- Пинкер С. (2004) *Язык как инстинкт*. М.: Едиториал, УРСС.
- Розов Н.С. (2019) *Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования*. М.: URSS.
- Рэнгем Р. (2012) *Зажечь огонь. Как кулинария сделала нас людьми*. М.: Астрель: CORPUS.
- Томаселло М. (2011) *Истоки человеческого общения*. М.: Языки славянских культур.
- Фитч У.Т. (2013) *Эволюция языка*. М.: Языки славянских культур.
- Хоккетт Ч.Ф. (1970) Проблема языковых универсалий. Успенский Б.А. (ред.) *Новое в лингвистике. 5. Языковые универсалии*. М.: Прогресс: 45–76.
- Ambrose S.H. (2002) Small things remembered: origins of early microlithic industries in sub-Saharan Africa. In: Elston R., Kuhn S. (eds.) *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithic Technologies*. Archaeological Papers of the American Anthropological Association, no 12: 9–29.
- Barnard A. (2009) Social origins: sharing, exchange, kinship. In: Botha R., Knight Chr. (eds.) *The Cradle of Language*. Oxford University Press: 219–235.

- Bernabeu P., Vogt P. (2015) Language evolution: Current status and future directions. In: *10th LangUE Conference*, Essex, UK: 1-27.
- Bingham P. (2010) On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history. In: Larson R.K., Déprez V., Yamakido H. (eds.) *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives*. Cambridge University Press: 211–224.
- Boehm Chr. (2000) Conflict and the evolution of social control. *Journal of Consciousness Studies*, 7: 79–101.
- Bouchard D. (2013) *The Nature and Origin of Language*. Oxford University Press.
- Burling R. (2005) *The Talking Ape. How language evolved*. Oxford University Press.
- Collins R. (2004) *Interaction Rituals Chains*. Princeton University Press.
- Deacon T.W. (1997) *The Symbolic Species: The Coevolution of Language and the Brain*. New York, NY: Norton.
- Dediu D., Levinson S.C. (2018) Neanderthal language revisited: not only us. *Current Opinion Behavioral Science*, 21: 49–55.
- Dessalles J.-L. (2007) *Why We Talk. The Evolutionary Origins of Language*. Oxford University Press.
- Donald M. (1998) Hominid enculturation and cognitive evolution. In: Renfrew C., Scarre C. (eds.) *Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage*. Cambridge: McDonald Institute: 7–17.
- Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) (2014) *The Social Origins of Language*. Oxford University Press.
- Dunbar R.I.M. (2004) Gossip in Evolutionary Perspective. *Review of General Psychology*, 8(2): 100–110.
- Falk D. (2004) Prelinguistic evolution in early hominins: Whence motherese? *Behavioral and Brain Sciences*, 27: 491–541.
- Gabora L., Smith C.M. (2018) Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution. *Journal of Anthropological Sciences*, 96: 1–26.
- Givón T. (2009) *The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co.
- Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. (2002) The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*, 298, 5598: 1569–1579.
- Henrich J. (2015) *The Secret of Our Success. How Culture Is Driving Human Evolution, Domesticating Our Species, and Making Us*. Princeton University Press.
- Heyes C. M. (2012) What can imitation do for cooperation? In: Calcott B., Joyce R., Sterelny K. (eds.). *Signalling, commitment and cooperation*. Cambridge, MA: MIT Press: 313–331.
- Hrdy S.B. (1999) *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books.

- Hurford J.R. (1999) The evolution of language and of languages. In: Dunbar R., Knight C., Power C. (eds.) *The Evolution of Culture*. Edinburgh Univ. Press: 173–193.
- Knight Chr. (2006). Language co-evolved with the rule of law. In: *Evolution of Language. Proceedings...6th International Conference (EVOLANG6)*. 12–15 April 2006 Rome, Italy (eds. Cangelosi A., Smith A.D.M., Smith K.): 168–175.
- Laland K.N. (2017) *Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind*. Princeton University Press.
- Lloyd E.A. (2004) Kanzi, evolution, and language. *Biology and Philosophy*, 19: 577–588.
- Lovejoy C.O. (2009) Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus*. *Science*, 326, 5949: 74–74e8.
- Markov A.V., Markov M.A. (2020) Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the “cultural drive” hypothesis by computer modeling. *Ecology and evolution*, 10(12): 1–19.
- Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. (2003) *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. Princeton University Press.
- Power C. (2014) The Evolution of Ritual as a Process of Sexual Selection. In: Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) *The Social Origins of Language*. Oxford University Press: 196–207.
- Richerson P.J., Henrich J. (2012). Tribal social instincts and the cultural evolution of institutions to solve collective action problems. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History*, 3(1): 38–80.
- Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press.
- Sterelny K. (2016) Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language. *Biological Theory*, 25: 173–186.
- Stringer Chr. (2012) *Lone survivors: how we came to be the only humans on earth*. N.Y.: Times Books.
- Tomasello M. (2019) *Becoming Human: A Theory of Ontogeny*. The Belknap Press of Harvard University Press.
- Walter et al. (2000) Early human occupation of the Red Sea coast of Eritrea during the last interglacial. *Nature*, 405: 65–69.
- White T.D., Lovejoy C.O., Asfaw B., Carlson J.P., Suwa G. (2015) Neither chimpanzee nor human, *Ardipithecus* reveals the surprising ancestry of both. *PNAS*, 112 (16): 4877–4884.
- Wrangham R. (2019) *The Goodness Paradox: The Strange Relationship Between Virtue and Violence in Human Evolution*. N.Y.: Pantheon.
- Zlatev J. (2014) The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. In: Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) *The Social Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press: 249–266.

UPDATING SOCIAL ORDERS IN ANTHROPOGENESIS — THE KEY TO EXPLAINING THE ORIGIN OF THE LANGUAGE

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. Obnovleniye sotsial'nykh poryadkov v antropogeneze — klyuch k ob'yasneniyu proiskhozhdeniya yazyka [Updating social orders in anthropogenesis — the key to explaining the origin of the language]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 216–238 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.10>.

Abstract. In modern studies of the origin of language, a sociological and socio-anthropological turn is taking place. Researchers make reconstructions of hominids' social orders, norms, rituals, the nature of their interactions and communication. The article shows how conceptual means of sociology allow us to explain the most difficult problems of the origin of language. Evolutionary processes in anthropogenesis, which were traditionally explained by means of biological concepts (adaptation, selection, mutations, niches), have an especially important social component. The reasons for the uniqueness of the evolutionary path of human ancestors, the social mechanisms of overcoming the “language Rubicon” (from the sign systems of animals to articulate meaningful speech) are considered. The principles of explaining the main shifts in the complication of language and the development of consciousness through the natural renewal of social orders of hominids are discussed. These changes began already with the descent to the ground and bipedal locomotion, included the transition to new ways of feeding, the emergence of joint intentionality, normativity, interaction rituals. The last ones were associated with signals the sound forms and meanings of which varied and multiplied. Under the conditions of egalitarian coalitions, the hominids were supposed to coordinate collective behavior, regulate the relations of ownership of tools and sexual access by rules. Individuals' concern about maintaining and increasing their level of group membership began to be ensured by the “correctness” of behavior, including the identifiability of the proto-words, then words, phrases, sentences. Everyday efforts to provide this concern explain the progressive development of speech motor skills and the larynx structure. The mastery of fire and the practice of collective cooking led to eating together in a sequence of priorities. At the later stages of anthropogenesis, the proto-sapiens and sapiens established inter-group alliances, which means they had to negotiate, and in the Upper Paleolithic, exchange relations, deferred obligations developed, competition for positions of prestige, social membership in groups and alliances intensified. The high degree of articulatory standardization in all known languages is a consequence of the special speech normativeness, according to which the “correctness” (“habit”, “normality”) of pronunciation has become ubiquitous and almost the strongest marker of distinguishing “our people” from “aliens”.

Key words: origin of language, glottogenesis, anthropogenesis, paleosociology, hominids, social interaction, social order, communicative concerns, ritual, linguistic complexity, mastering fire, proto-language.

References

- Ambrose S.H. (2002) Small things remembered: origins of early microlithic industries in sub-Saharan Africa. In: Elston R., Kuhn S. (eds.) *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithic Technologies*. Archaeological Papers of the American Anthropological Association, no 12: 9–29.
- Barnard A. (2009) Social origins: sharing, exchange, kinship. In: Botha R., Knight Chr. (eds.) *The Cradle of Language*. Oxford: Oxford University Press: 219–235.
- Barulin A.N. (2007) К построению теории глоттогенеза [Towards the construction of the glottogenesis theory]. In: *Lingvisticheskaia komparativistika v kul'turnom i istoricheskom aspekte* [Linguistic comparative studies in cultural and historical aspects]. Moscow: Moscow State Univ. Publ.: 9–44 (in Russian).
- Belyaev D.K. (1981) О некотorykh faktorakh evoliutsii gominid [On Some Factors of Hominids' Evolution]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], 8: 69–77 (in Russian).
- Bernabeu P., Vogt P. (2015) Language evolution: Current status and future directions. In: *10th LangUE Conference*, Essex, UK: 1–27.
- Bickerton D. (2012) *Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudey* [Adam's Tongue: How Humans Made Language, How Language Made Humans]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).
- Bingham P. (2010) On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history. In: Larson R.K., Déprez V., Yamakido H. (eds.) *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press: 211–224.
- Boehm Chr. (2000) Conflict and the evolution of social control. *Journal of Consciousness Studies*, 7: 79–101.
- Bouchard D. (2013) *The Nature and Origin of Language*. Oxford University Press.
- Burlak S.A. (2012) Vremya poyavleniya zvuchaschey rechi po dannim antropologii [The time of the sounding speech appearance according to anthropology] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 23. Anthropology], 3: 109–119 (in Russian).
- Burlak S.A. (2019) *Proiskhozhdenie yazika. Fakti, issledovaniya, gipotezi* [The origin of language. Facts, research, hypotheses]. Moscow: Alpina Digital (in Russian).
- Burling R. (2005) *The Talking Ape. How language evolved*. Oxford University Press.
- Collins R. (2004) *Interaction Rituals Chains*. Princeton University Press.
- Deacon T.W. (1997) *The Symbolic Species: The Coevolution of Language and the Brain*. New York, Norton.
- Dediu D., Levinson S.C. (2018) Neanderthal language revisited: not only us. *Current Opinion Behavioral Science*, 21: 49–55.
- Dessalles J.-L. (2007) *Why We Talk. The Evolutionary Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Donald M. (1998) Hominid enculturation and cognitive evolution. In: Renfrew C., Scarre C. (eds.) *Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage*. Cambridge: McDonald Institute: 7–17.

Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) (2014) *The Social Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press.

Drobyshevskiy S.V. (2017) *Antropogenes* [Anthropogenesis]. Moscow: Arkhe, Modern-A (in Russian).

Dunbar R.I.M. (2004) Gossip in Evolutionary Perspective. *Review of General Psychology*, 8(2): 100–110.

Falk D. (2004) Prelinguistic evolution in early hominins: Whence motherese? *Behavioral and Brain Sciences*, 27: 491–541.

Fitch W.T. (2013) *Evolutsiya yazyka* [Evolution of Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (in Russian).

Gabora L., Smith C.M. (2018) Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution. *Journal of Anthropological Sciences*, 96: 1–26.

Givón T. (2009) *The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co.

Goodall J. (1992) *Shimpanze v prirode: povedeniye* [Chimpanzees in Nature: Behavior]. Moscow: Mir (in Russian).

Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. (2002) The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*, 298 (5598): 1569–1579.

Henrich J. (2015) *The Secret of Our Success. How Culture Is Driving Human Evolution, Domesticating Our Species, and Making Us*. Princeton University Press.

Heyes C.M. (2012) What can imitation do for cooperation? In: Calcott B., Joyce R., Sterelny K. (eds.). *Signalling, commitment and cooperation*. Cambridge, MA: MIT Press: 313–331.

Hockett C.F. (1970) Problema yazykovykh universalii [The problem of universals in language]. In: Uspenskiy B.A. (ed.) *Novoye v lingvistike. 5. Yazykovyye universalii* [New in Linguistics. 5. Universals of language. Moscow: Progress (in Russian).

Hrdy S.B. (1999) *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books.

Hurford J.R. (1999) The evolution of language and of languages. In: Dunbar R., Knight C., Power C. (eds.) *The Evolution of Culture*. Edinburgh Univ. Press: 173–193.

Johnson A., Earle T. (2017) *Evolutsiya chelovecheskikh obshchestv. Ot dobyvayushchey obshchiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies. From a Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara (in Russian).

Knight Chr. (2006). Language co-evolved with the rule of law. In: *Evolution of Language. Proceedings...6th International Conference (EVOLANG6)*. 12–15 April 2006 Rome, Italy (eds. Cangelosi A., Smith A.D.M., Smith K.): 168–175.

Kozintsev A.G. (2013) Zoosemiotika i glottogenez [Zoosemiotics and glottogenesis]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 19: 326–359 (in Russian).

Laland K.N. (2017) *Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind*. Princeton University Press.

Lloyd E.A. (2004) Kanzi, evolution, and language. *Biology and Philosophy*, 19: 577–588.

Lovejoy C.O. (2009) Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus*. *Science*, 326, 5949: 74–74e8.

Lumsden E.O., Wilson Ch.J (2017) *Prometeyev ogon'. Razmyshleniya o proiskhozhdenii razuma* [Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind]. Moscow: URSS: LENLAND (in Russian).

Markov A.V., Markov M.A. (2020) Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the “cultural drive” hypothesis by computer modeling. *Ecology and evolution*, 10(12): 1–19.

Miller G. (2000) Soblaznyayushchiy razum. Kak vybor seksual'nogo partnera povliyala na evolyutsiyu chelovecheskoy prirody. [The Mating Mind: How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature]. Moscow: Corpus (AST) (in Russian).

Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. (2003) *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. Princeton University Press.

Pinker S. (2004) *Yazyk kak instinkt* [The Language Instinct]. Moscow: Editorial, URSS (in Russian).

Power C. (2014) The Evolution of Ritual as a Process of Sexual Selection. In: Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) *The Social Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press: 196–207.

Richerson P.J., Henrich J. (2012). Tribal social instincts and the cultural evolution of institutions to solve collective action problems. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History*, 3(1): 38–80.

Rozov N. S. (2019) *Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education. Moscow: URSS (in Russian).

Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.

Sterelny K. (2016) Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language. *Biological Theory*, 25: 173–186.

Stringer Chr. (2012) *Lone survivors: how we came to be the only humans on earth*. New York: Times Books.

Tomasello M. (2011) *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of Human Communication]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (in Russian).

Tomasello M. (2019) *Becoming Human: A Theory of Ontogeny*. The Belknap Press of Harvard University Press.

Waal F. de. (2019) *Posledneye ob'yatiye Mamy* [Mom's last hug]. Moscow: Alpina Digital (in Russian).

Walter et al. (2000) Early human occupation of the Red Sea coast of Eritrea during the last interglacial. *Nature*, 405: 65–69.

White T.D., Lovejoy C.O., Asfaw B., Carlson J.P., Suwa G. (2015) Neither chimpanzee nor human, *Ardipithecus* reveals the surprising ancestry of both. *PNAS*, 112 (16): 4877–4884.

Wrangham R. (2012) *Zazhech' ogon'. Kak kulinariya sdelala nas lyud'mi* [Catching Fire: How Cooking Made Us Human]. Moscow: Astrel: CORPUS (in Russian).

Wrangham R. (2019) *The Goodness Paradox: The Strange Relationship Between Virtue and Violence in Human Evolution*. New York: Pantheon.

Zlatev J. (2014) The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. In: Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds.) *The Social Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press: 249–266.